

Культура

Страсти по Баскову

Окончание.
Начало на стр. 1

Феномен Баскова не только в его популярности, но и в том, что хочет и совсем иного успеха — серьезного оперного исполнителя. А с этим как раз и вышла загвоздка. Каким-то чудом студент Гнесинской академии музыки в 1998 году оказался в оперной труппе Большого театра, но это ему не принесло успеха, а скорее обрушило на его голову потоки брани. И тому, пожалуй, две причины. Первая — уже очень не любят в театре молодых, богатых и знаменитых коллег, тем более из другого цеха. Вторая — более серьезная и важная, при всем своем бесспорном таланте к деятельности серьезного певца оказался просто не готов. Любый даже самый совершенный от природы голос требует профессиональной огранки, которую диплом о высшем образовании совсем не гарантирует. Природный голос — это капитал, а вокальная школа — это проценты с капитала. Профессиональный певец должен жить на проценты, а Басков на каждую свою роль кидался с открытым забралом, обнажая все приметы своего профессионального несовершенства. За что абсолютно справедливо получал порцию жесткой критики, которую народному кумиру пережить было не просто. Развивать талант и пиарить его обладателя — это два совершенно разных, чаще всего, плохо совместимых занятия. Но его популярность такова, что каждый его поступок или событие вокруг «Золотого голоса России», застрахованного на два миллиона долларов, выглядит как хорошо продуманный пиарский ход.

Но Басков чертовски упрям в достижении своей оперной цели. Несколько лет назад он познакомился с великой Кабалье. И теперь не только изредка дает с ней концерты на два голоса, но, и что самое важное, несколько раз в год ездит к ней в Испанию заниматься. И, надо признать, сделал не головокружительные, но заметные успехи.

В Большом театре за шесть лет трудов без особой удачи спел всего лишь три партии — Ленского в «Евгении Онегине», Моцарта в «Моцарте и Сальери» и Измаила в «Набукко», и мизерное количество спектаклей. Басков в театре за право петь никогда не скандалил и не интриговал. Всегда вел себя корректно и спокойно. И в прошлом сезоне ни разу не вышел на сцену. Лишь однажды в конце зимы принял участие в концертном исполнении «Набукко», устроенном филармонией. И исполнил он свою партию Измаила тогда значительно лучше многих коллег, стоявших рядом.

Басков всегда был enfant terrible Большого театра. И позволял себе на эстраде вещи очень вызывающие. Наблюдать же за тем, как солист Большого театра в телевизоре (в эфире национального канала) задумчиво поет «Мурку» — это уже слышком. И как только представлялась формальная возможность — окончание срока контракта, администрация театра с ним с удовольствием рассталась. Но то ли сила популярности Николая Баскова столь велика, то ли еще какие «силы небесные» возмущались, но как только решение администрации театра месячной давности стало достоянием общественности, тут же ему в догонку пришло известие, что Большой театр пригласил Николая Баскова спеть Ленского 20 ноября. Но взойдет ли действительно когда-нибудь звезда Николая Баскова в опере? — вопрос, который пока остается открытым.

«Пока ты не сделаешь карьеру на Западе, дома тебя за человека не считают»

Николай БАСКОВ
рассказал о том,
чем будет заниматься
после увольнения
из Большого театра.

— Вы всегда чувствовали себя persona non grata в Большом театре?

— Я не могу так сказать. Многие артисты, узнав о моем увольнении, позвонили мне со словами поддержки. Но, конечно же, в театре всегда были и есть люди, мнящие себя знатоками оперного искусства, которые никогда не стеснялись в выражениях в мой адрес. Но я на подобных вещах не концентрировал свое внимание. Естественно, хочется, чтобы в театре ко мне нормально относились, чтобы меня понимали, чтобы со мной разговаривали по-человечески. А то за глаза поносят, на чем свет стоит, а звонишь — любовь до гроба. Я этого стиля общения понять не могу. Нельзя сейчас ко мне предвзято относиться. Сегодня мне, наоборот, надо давать возможность расти. Мне нужно больше и больше выходить на оперную сцену, набираться опыта. Я же как вокалист не остался на том уровне, что был пять или шесть лет назад. Многие не получают и сегодня. Но ведь для совершенства нет пределов.

— А вся эта суета вокруг вашего имени не порождает желания завязать с оперной карьерой?

— Ни в коем случае! Мой голос может нравиться или нет. Но не один даже самый яростный недоброжелатель, будучи честным человеком, не сможет отказать мне в том, что у меня оперный голос. У меня в красном дипломе черным по белому написано: «Профессия — оперный певец». Право называть себя оперным певцом у меня не отнимет никто. Меня в опере никогда не слышали Гергиев или Вишневецкая, но это им совсем не мешает публично высказываться на мой счет.

А я только что получил вторую премию на фестивале в Париже. Сразу несколько импресарио наперебой мне стали предлагать контракты с оперными театрами. Я выбираю, но не тороплюсь. Как только у меня будет готово четыре-пять партий, в России меня никто не увидит. Осенью мне предстоит дебют в лучших театрах Испании. В барселонском Лисео и в мадридском Real я буду петь оперу Массне «Клеопатра». Потом опера Тель-Авива пригласила меня спеть Герцога в «Риголетто». Так получается, что сейчас оперную карьеру я буду делать за границей. У нас так давно заведено: пока ты не сделаешь карьеру на Западе, дома тебя за человека не считают.

— Вы не намерены свое право называться солистом Большого театра отстаивать в суде?

— Нет. Шесть лет назад я пришел в Большой театр без всякой протекции. И сегодня я не хочу бороться с административным аппаратом Большого театра. Быть может, это прозвучит высокопарно, но вся проблема в том, что я нужен публике и не нужен чиновникам. Театр не может упрекать меня в том, что эксплуатирую бренд Большого. Ни на одной своей афише я не называл себя солистом Большого театра, кроме одного раза, когда

«Хочется, чтобы в театре ко мне нормально относились. А то за глаза поносят, на чем свет стоит, а звонишь — любовь до гроба...»

в октябре давал концерт в Большом зале Московской консерватории с исключительно академической программой. Мне этот бренд вообще не нужен. Я — Басков. Этого публики вполне достаточно, чтобы заполнять залы на моих выступлениях. Но я не понимаю, почему театральные чиновники так сильно раздражает, что Басков — crossover star. Что в этом криминального? И Хосе Кура, и Роберто Аланья вообще начинали свой путь с выступлений в кабаках, а к сорока годам стали настоящими оперными звездами мирового масштаба. Мне сегодня только 27 лет.

Можно обсуждать, плохо или хорошо я пою, а публика все равно ходит на меня. Когда были гастролы Большого в Мариинском театре, меня просто упрямили спеть два спектакля «Евгения Онегина». И я пел Ленского два дня подряд. И я никогда не отказывался от любого

предложения Большого театра. Пел в любых концертах, даже дневных.

— Однако факт остается фактом, за прошедший сезон вы ни разу не вышли на сцену Большого?

— Здесь проблема не во мне, а в театре. Я приходил в театр, просил дать мне спектакль, а мне каждый раз в ответ говорили, что я поздно пришел, все контракты уже подписаны. Однажды в театре сложилась ситуация, что петь Ленского было некому. Но меня так и не позвали. Предпочли просто отменить спектакль. Но в сентябре я приду в театр, получу всю зарплату, что мне причитается за прошлый сезон, и отдам ее в фонд ветеранов Большого.

— И все же три партии за шесть лет — это как-то маловато...

— Я спел в театре все что мог. Я сейчас абсолютно спокойно могу спеть Альфреда в «Травиате». Это моя партия и по музыке, и по образу. Но спектакль Васильева сразу после его увольнения исчез из репертуара театра, а нового так и не сделали. В прошедшем сезоне мне предложили «Мазепу» и «Летучего голландца». Я взял ноты, стал учить. Потом уехал заниматься в Испанию. Кабалье, узнав о моих планах, отговорила меня. Сказала, что я слишком тороплюсь и могу «сломать» голос. Я испугался. Поэтому и отказался от этой идеи. Я счастлив, что в

моей жизни есть эта великая женщина, которая ведет меня по профессии. Одно ее слово может стать маяком на всю жизнь.

На самом деле со мной Ведерников никогда не работал. За все это время он ни разу не вызывал, не слушал, не высказывал своих пожеланий и предпочтений, как это обычно бывает в театрах у дирижера с солистом.

— Но у вас же множество концертных гастролей...

— Неправда. У меня на сентябрь уже есть предложения на 15 концертов, но я от всего отказываюсь. Я специально практически весь свой график оставляю открытым. Сегодня для меня опера важнее всего остальных. Если Ведерников мне стопроцентно предложит участвовать в постановке «Мадам Баттерфляй», четко назвав все сроки репетиций и даты спектаклей, я отменю все свои выступления ради этой работы и буду два-три месяца «сидеть на постановке» безвылазно. Пинкертон — это моя партия. Я, как никто, подхожу к роли американского офицера, который может соблазнить японку. Женщины, сидящие в зале, будут в этом стопроцентно убеждены. Но ходить в театр каждый день только ради того, чтобы потянуть кофе в актерском буфете и обменяться последними слепнями, я не стану.

Не совпали форматами

Решение Большого театра уволить Николая Баскова прокомментировали Генеральный директор Анатолий ИКСАНОВ и музыкальный руководитель Александр ВЕДЕРНИКОВ.

— Как вы оповестили Николая Баскова об увольнении?

А. И. Баскова не было в Москве, поэтому мы послали ему домой телеграмму с уведомлением о вручении. Николай спокойно перезвонил в отдел кадров и сказал: в ближайшее время придет в театр и уладит все формальности. Вообще я удивлен ажиотажу вокруг того факта, что театр не продлил контракт с одним из своих солистов. Это обычная практика для контрактной системы. Если в течение сезона певец оказался невосребован театром и не участвовал ни в одном спектакле, то какой смысл держать человека в труппе. Появится для него работа — милости просим. Вообще я считаю, что все солисты оперной труппы, исполняющие главные роли, должны не числится в штате, а работать по контрактам на конкретных партии.

А. В. Такие замечательные певцы, как Андрей Дунаев или Михаил Губский, который, кстати, не является штатным солистом театра, а приезжает на спектакли из Самары. И они оба, на мой взгляд, в партии Ленского выглядят очень достойно. Обычно в театре хронически остро стоит вопрос дефицита лирических теноров. Но, как ни парадоксально, сегодня в Большом есть проблема с баритонами, точнее, с их отсутствием, а проблемы с лирическими тенорами нет. Зачем же, когда у нас есть замечательные солисты, нам приглашать Николая Баскова на партию Ленского, и, таким образом, самим себе создавать неоднозначный имидж.

А. И. У нас уже огромное количество солистов оперы выведены из штат. В том числе все самые знаменитые наши певцы — Елена Образцова, Тамара Синявская, Зураб Соткилава.

С ними театр заключил договоры на исполнение конкретных партий.

— Но они продолжают являться солистами Большого театра...

А. И. Да. Ведь все лучшее, что они создали на сцене, было сделано ими не на стороне, а в Большом театре и стало частью его золотого фонда.

— Исторически во многом, что происходило в Большом театре, была замешана политика...

А. И. Политики в этом решении нет никакой. Я не знаю, кто покровитель Баскова. Мне никто и никогда не звонил с просьбами-требованиями дать ему спектакль. В прошлом году я имел несколько телефонных разговоров с его продюсером господином Шпигелем, но они не касались частоты выходов Николая на сцену Большого.

— Вы не опасаетесь, как уже показала практика, не выигрышных для театра судебных последствий?

А. И. Если мы будем бояться того, что каждый наш шаг повлечет за собой судебные последствия, то тогда мы не будем ничего делать — не формировать труппу, не думать о качестве спектаклей. Но я просто уверен, что Коля Басков совершенно другого уровня порядочности и интеллигентности человек, нежели иные герои, чьи имена даже вспоминать не хочется. Думаю, он не станет заниматься сутяжничеством.

— Вы сегодня не продлили контракт с Басковым, при том, что в театре остаются куда более творчески несостоятельные солисты, иногда годами не выходящие на сцену...

А. В. В каждой ситуации есть множество привходящих обстоятельств. Да, в труппе есть певцы, в услугах которых театр сегодня не нуждается, но они находятся на расстоянии одного-двух лет до пенсии, и для них расставание с должностью в Большом было бы равно абсолютному социальному краху. И, естественно, на подобное увольнение никогда не пойдем.

— Но в биографии театра есть же феномен Ирины Божедомовой. Барышня совсем не пенсионных лет, ко-

торую никто и никогда не видел на сцене, но отсудила себе едва ли не пожизненное право называться «солисткой Большого»...

А. И. Да, по закону мы ее уволить не можем, потому что прежним руководством театра с ней был заключен бессрочный контракт. И Божедомова, которая ничего не поет и никогда петь не будет, получает 1800 рублей в месяц и сидит за кулисами.

— Но она имеет право ездить по стране и отрекомендовываться «солисткой Большого»...

А. И. Вот именно! Это к вопросу о том, кто пользуется брендом Большого театра...

А. В. И к вопросу о несовершенстве нашего трудового законодательства

«В нашем решении нет никакой политики. Мы в первую очередь озабочены вопросами творческого свойства»

ва, для которого профессиональная, творческая состоятельность человека ничего не значит.

Артисту же с ярко выраженной индивидуальностью гораздо выгоднее отдавать свой талант многим театрам, потому что у него есть своя специфика, которая нужна везде, но, быть может, в малых дозах. Коля тоже человек достаточно специфический. Он наверняка для чего-то хорош, но совершенно не для того, чтобы сидеть в театре и работать.

А. И. У Коли огромное количество концертов и гастролей, к театру никакого отношения не имеющих. А если артист в труппе, он должен в первую очередь пахать на театр.

А. В. Если же, условно говоря, представить, что мы назначаем Баскова на роль Фентона в вердиевском «Фальстафе». Но там такое количество ансамблей, что надо два с половиной месяца сидеть в театре, «вычищать», «снимать стружку», заниматься с репетитором и отказываться от всех гастролей. Разве Коля на это пойдет? Он ко мне подошел и сказал, что хочет петь в «Летучем гол-

ландше». Я сказал: хорошо, попробуй, и назвал ему сроки репетиционного периода. Коля ответил: ладно — и исчез. Как, будучи солистом театра, он заключает контракты с оперными театрами Испании и даже не ставит об этом в известность администрацию Большого? Мы узнаем о них из газет. В театре есть определенная процедура, по которой все наши солисты, востребованные на Западе, информируют театр о своих личных планах на полгода вперед. А в Большом есть солисты, которые отдают свои силы, время и талант театру в ежесдневном режиме.

— Но ведь Николай Басков — это больше, чем просто певец. Это не только художественное, но и социальное явление нашего времени...

А. В. Да. Одна его поклонница постоянно мне пишет письма, предлагая программы для его сольных гастролей. Но, осуществляя руководство театром, мы в первую очередь озабочены вопросами творческого свойства. Если бы мы исходили из каких-либо других соображений, например, коммерческих, то де-

лали бы что-то совсем иное. Концерты эстрадных звезд, например, Сары Брайман, Аллы Борисовны Пугачевой, многие поп-звезды мечтают выступить в Большом театре.

А. И. И мы в этом случае заработали бы кучу денег. Только мы на это никогда не пойдем. Все это к Большому театру не имеет никакого отношения.

— Но если посмотреть со стороны, то Басков все же сделал неплохую карьеру в Большом театре. Из стажеров — в солисты, а потом и в «заслуженные артисты»...

А. И. Звание «заслуженного артиста России» Басков получил за свою эстрадную деятельность.

А. В. Он просто поменял систему своих трудовых отношений с театром на определенный отрезок времени, который сейчас закончился. Стажер может петь ведущие партии, а солист ходить в компримарио. Это не всегда есть признак карьерного роста. Басков — это замечательно, Большой театр — прекрасно. Но это разные жанры, которые не стоит смешивать. Они не совпадают по формату.

А. И. Да, наверное, в глазах народа я — злой человек. Таких одаренных людей и национальных любимцев увольняют из театра.